

**СТАРООБРЯДЦЫ-РЯБИНОВЦЫ (СОГЛАСИЯ «ПО КРЕСТУ»)
НА НИЖНЕЙ КАМЕ: ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ
И КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

© Черных Александр Васильевич

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,

Федеральный исследовательский центр УрО РАН

Россия, г. Пермь

atschernych@yandex.ru

Полевые исследования последних лет Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН в районах нижней Камы (Республика Татарстан) позволили изучить особенности рябиновского согласия старообрядцев, согласия «по кресту». Территория нижней Камы стала ареалом формирования и расселения общин рябиновского согласия, возникновение которого приходится на период второй половины — конца XVIII в. либо начала XIX в. В статье предпринят анализ особенностей конфессиональной идентичности и функционирования конфессионимов, определяются основные конфессиональные маркеры, среди которых можно отметить деревянные нательные кресты и деревянные кресты и киоты с деревянными крестами. Рассматривается комплекс представлений, связанных с деревянными крестами. Изучаются особенности ритуалов в структуре семейной обрядности — крещения, свадьбы, похоронно-поминальных обычаев, определяются их основные особенности. В настоящее время рябиновцы являются одними из реальных и действующих старообрядческих согласий на современной конфессиональной карте России, несколько конфессиональных общин сохраняются в районах их традиционного расселения. Приводится характеристика современных общин и особенности их функционирования, как и в целом анализируется конфессиональная ситуация в районах расселения представителей согласия.

Ключевые слова: старообрядчество нижней Камы, идентичность, конфессиональные традиции, ритуалы семейной обрядности, согласие по кресту, рябиновское согласие, современные общины.

**PRIESTLESS OLD BELIEVERS OF THE LOWER KAMA:
SPECIFICITIES OF IDENTITY AND CONFESSIONAL CULTURE**

Aleksandr V. Chernykh

Dr. Sci. (History), Professor,

Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences

Perm, Russia

atschernych@yandex.ru

Recent field studies of Perm Federal Research Center UB RAS in the regions of the Lower Kama (The Republic of Tatarstan) allowed to investigate the specificities of priestless Old Believers. The territory of the Lower Kama became the area where such religious groups were formed and settled down. They appeared in the late XVIII or at the beginning of the XIX century. The article attempts to analyze the specificities of their confessional identity and functioning of their communities, it defines the main confessional markers among which wooden underwear crosses or just wooden crosses and icon cases with wooden crosses can be noted. The article also observes a complex of ideas connected with wooden cross-

es. It investigates the specificities of family rite structure — christening, wedding, funeral and wake traditions defining their main features. Nowadays these groups of priestless Old Believers are one of real and active communities among the confessions of modern Russia. Some confessional communities still exist in the regions of their traditional location. The article also gives the characteristic of modern communities and describes the specificities of their functioning analyzing the confessional situation in the regions of their location in general.

Keywords: Old Believers of the Lower Kama, identity, confessional traditions, family rituals, priestless religious groups, modern communities

В изучении истории и культуры старообрядчества до настоящего времени сохраняются свои «белые пятна». Определенная часть немногочисленных старообрядческих согласий и сегодня исследована крайне фрагментарно. К одним из них относится и рябиновское согласие, согласие «по кресту». До недавнего времени только дореволюционные исследования раскрывали особенности данного согласия. До настоящего времени, как справедливо отмечают историки старообрядчества, нет исследования, в котором была бы подробно рассмотрена и история согласия «по кресту» [Боровик 2005: 298].

Полевые этнографические исследования последних лет Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН в районах нижней Камы, в современных Чистопольском, Рыбно-Слободском и сопредельных районах Республики Татарстан — территории формирования данного согласия и расселения старообрядческих общин рябиновцев позволили констатировать сохранение конфессиональных общин, а также уточнить некоторые особенности конфессиональных традиций и их локальные варианты.

Формирование согласия связывают со второй половиной — концом XVIII в. либо началом XIX в. [Гренков 1867: 220; Ивановский 1867: 44; Боровик 2005: 298], а основным центром возникновения согласия становится г. Чистополь и сельская округа на Каме. Дискуссионным представляется вопрос, откуда и как было принесено учение рябиновцев в изучаемый район. Среди регионов, откуда могло проникнуть учение рябиновцев, называют например, Нижегородскую, Пермскую и Самарскую губернии, Сибирь [Ивановский 1867: 48]. Обсуждаемыми являются и истоки согласия: можно лишь предполагать, что рябиновское учение сформировалось под влиянием дискуссии о надписях на кресте между поморцами, федосеевцами и филипповцами [Боровик 2005: 298]. Согласие «по кресту» не было многочисленным: в начале XX в., по сведениям 1912 г., численность его в России составляла 14 012 человек [Там же: 300; Латыпов 2011: 28]. Общины рябиновцев были отмечены на нижней Каме — в Чистопольском и Лаишевском уездах Казанской губернии, где в 1912 г. их числилось 3 134 чел. В сопредельных территориях Поволжья и Урала — в Вятской губернии в количестве 2207 чел., в Уфимской губернии 7 948 чел., в Оренбургской губернии — 31 чел., в Пермской — несколько десятков чел. Также последователи рябиновцев отмечены в Томской губернии в количестве 201 чел. [Боровик 2005: 300; Латыпов 2011а: 28; Латыпов 2011б: 211–212].

В настоящее время основной номинацией, используемой в исследованиях о старообрядчестве для обозначения согласия, является термин *рябиновское согласие*, *рябиновцы*. Однако полевые материалы показывают, что представители об-

щин не пользуются данным термином, а часто и не соотносят его со своим согласием. В этой связи укажем на замечание Н. Ивановского, который отмечал, что наименование согласия «рябиновщина» дано ему лишь по формальному признаку ..., в то время как сами рябиновцы называют себя либо беспоповцами, «... либо старообрядцами греческого исповедания» [Ивановский 2005: 47]. В большинстве же случаев сами старообрядцы, как и их потомки, рассказывая о своих родных, для самоопределения используют чаще всего номинацию «староверы», реже — «старообрядцы». Еще одним названием, которое часто используется для обозначения согласия, является номинация «согласие по кресту», чаще всего также используемое как самоназвание согласия [Боровик 2005: 297; Мясникова 2019: 161–162].

Среди основных конфессиональных маркеров согласия, выделяющих его на фоне других старообрядческих групп, можно отметить деревянные нательные кресты и деревянные кресты и киоты с деревянными крестами: «У нас крест кипарисовый деревянный, а у их — железный крест. Вот!» (Чистопольский район, д. Большой Толкиш); «И деревянный крест должен быть всегда в семье. И тут есть деревянный крест. Да. Так что вот...» (г. Чистополь).

Интересным комплексом мировоззрения, связанным с деревянными крестами, следует считать представления о материале, из которого должны быть изготовлены деревянные кресты. В очерках о рябиновцах середины XIX в. уже указывается на деревянные кресты как на характерную особенность согласия и рассматриваются представления о деревянных крестах и их материале: «...признавая, что истинный крест Христов состоял из трех дерев: кипариса, певга и кедра, последователи ее, по неимению, может быть, у нас этих деревьев, заменяют их рябиною и употребляют кресты, исключительно сделанные из рябины, и притом без изображения на них Спасителя, на том основании, что Он с креста уже снят, и что крест, обретенный св. Еленою, был без всякого изображения на нем Господа, что такому кресту поклонялся народ, и что, наконец, так как кресту и Спасителю положены отдельные службы, то и поклоняться собственно кресту должно особо, а изображениям Господа на иконах тоже особо» [Ивановский 1867: 47].

Комментарии информаторов, к сожалению, менее содержательны и часто фрагментарны, часто наличие деревянных крестов воспринимается как должное, как традиция и не комментируется. Но в то же время эти материалы также раскрывают современное состояние традиции и ее вариативность. В одних случаях данная традиция, как и в приведенном примере, соотносена с представлениями о распятии Христа на деревянном кресте: «Иисус Христос был распятый на деревянном кресте» (г. Чистополь), в других — мотивирована иными причинами: «Железные — это для красоты. Золотой, допустим. Любая железяка для красоты. А деревянные — для души. Вот почему!» (г. Чистополь). Опубликованные ранние источники о рябиновцах отмечают и подчеркивают употребление рябины как основного материала для изготовления деревянных крестов [Гренков 1867: 221; Ивановский 1867: 47]. В полевых материалах зафиксированы упоминания разных материалов для деревянных нательных крестиков: кедра и кипариса. Кипарис в большинстве текстов и комментариев выступает единственным или предпочтительным вариантом при выборе материала. Допускается возможность использовать и местные породы деревьев: грушу, яблоню, березу, дуб, ель.

Важным для изучения конфессиональных особенностей того или иного согласия представляется изучение традиций семейного цикла — обрядов крещения, свадьбы, ритуалов похоронно-поминального цикла. Как и другие беспоповские согласия, «рябиновцы сами, без всяких попов, крестят, совершают браки и погребают умерших» [Там же: 51]. Крещение младенцев представители согласия «по Кресту» проводили в естественном водоеме — в реке или в озере, но часто и дома — «в купели». Еще в материалах середины XIX в. отмечались особенности крещения у рябиновцев: «Крестят они детей во имя пресвятой Троицы, но не совершают при этом никакого чина крещения и не произносят никаких молитв» [Там же: 53]. На такую же особенность указывали и наши информаторы: «Вот у иконки <свечки> стоят. Купель ставится около иконки, свечки на иконке. Вот и погружают так, погружают три раза. Обязательно с головкой три раза. Три раза погрузили, все, отдаешь крестному, потом крестный оденет... крестик. Благословили крестиком, одели, все... сначала отдать крестной, потом крестному, все, одели, все... Просто окунали. Один раз скажут во имя Отца, еще раз — Сына, еще раз — в честь Святого Духа. Вот, все. Вытаскивают, потом крестик одевают. Обязательно, обязательно. Крест и пояс обязательно» (г. Чистополь). Крещение обычно совершали сами, кто-либо из старших в семье, в некоторых общинах существовали те, кто приглашался для совершения крещения, как в с. Мельничный Починок Рыбно-Слободского района.

Существенным представляется вопрос о принятии в свою веру представителей иных согласий, требуется ли перекрещивание вновь принимаемых в общину. К сожалению, об этом получены лишь фрагментарные и единичные сведения от информаторов, которые утверждали обязательность перекрещивания при принятии из «другой веры»: «Если он переходит в нашу веру из другой? Конечно <перекрещиваем>. Хоть кого, любого. Хоть кого. Ну да, обязательно. Обязательно» (г. Чистополь).

Старообрядцы-рябиновцы относятся к старообрядцам, «приемлющим браки» [Латыпов 2011б: 212], «они принимают... брачную жизнь» [Ивановский 1867: 58]. «Браченье» молодоженов совершал кто-либо старший из общины: Благословляют, уж всегда благословляют... Брак это... тетя Варя обычно брачила. Мы в свое время тоже к ней ездили. Она читала молитвы, да (Рыбно-Слободской район, с. Мельничный Починок).

Конфессиональные особенности проявлялись и в похоронно-поминальной обрядности. Большая их часть является общими для всех старообрядцев, например использование савана, лестовки, размещение гроба в доме ногами к иконам и разворачивание его ногами вперед при выносе. В данном случае эти особенности ритуала определяют конфессиональные границы между старообрядческим и православным населением. К локальным особенностям отдельных общин можно отнести использование старообрядцами специальных носилок для выноса гроба, отличную от православных форму крышки гроба, на что указывают информаторы. Для похоронных традиций также характерно чтение Псалтыри по покойнику, «Канона» или «Погребения» в зависимости от ситуации: «Когда хоронят, там читают погребение. Человек достоин — читают погребение, недостойн — только... канон за общий, может. Если все время человек молится, значит, погребение читают. Если, например, человек, мужчина бритый, им нельзя молиться...

Значит, только за общий читают канон. И погребение нельзя читать, канон только за общий. Если без креста человек умер, то тоже нельзя читать. <...> Ну и другие может причины какие-то <...> Если без покаяния человек умирает, значит тоже нельзя читать на имя. Надо читать тоже канон за общий» (г. Чистополь).

Использование для погребения «своих» и «общих» кладбищ вариативно в каждой общине. В моноконфессиональных поселениях, как, например, в с. Мельничный Починок Рыбно-Слободского района, в котором основное население составляли старообрядцы-рябиновцы, они считали своим сельское кладбище. В г. Чистополе старообрядцы согласия «по кресту» пользовались общим кладбищем с православными. На существовавшем в городе отдельном старообрядческом кладбище хоронили лишь представители поморского согласия: «Вот эти на старом... там староверском кладбище, там поморские. А вот мы... относимся к этому, к нашему кладбищу, городскому» (г. Чистополь); «Староверско кладбище у них, староверско кладбище. А нас туда не пустют! Даже ни под каким знаком не пустют. А почему? Потому что они другие, «отписные» староверы» (Чистопольский район, д. Большой Толкиш). В селах одно общее кладбище обычно было разделено рвом и валом на две части, в одной из которых хоронили старообрядцы: «Вот у нас они схоронены сюда... там ров у нас, там угол староверский, одно кладбище, только отдельно они все у нас староверы...» (Чистопольский район, с. Малый Толкиш).

Полевые материалы показывают активное существование и конфессиональную жизнь в настоящее время лишь одной общины в г. Чистополе. Основу общины составляют выходцы из правобережных деревень современного Рыбно-Слободского района, объединенные родственными и земляческими связями, прежде всего, сел Мельничный Починок и Урахча. До недавнего времени община собиралась в одном из больших частных домов, который и считался моленной: «Молились, собирались, а теперь все разорилось, собирались мы в одном доме, ... так хорошо было молиться... вот теперь это прошло лет 6, если не больше ... и они этот дом решили продать. Они продали, и моленная накрылась. И теперь мы все сидим, дома молимся» (г. Чистополь, с. Урахча); «Дом, ну... у нас небольшой дом, там, наверно, побольше дом был. Полный... полный везде, и там и везде... во всех комнатах народ стоял, а теперь некуда стало ходить. Вот этот дом продали... Ходить-то некуда, вот и все. Как бы какая-нибудь была, хоть небольшая чтоб была. Молодежи ведь много, ходить-то некуда...» (г. Чистополь, с. Мельничный Починок). В настоящее время по причине отсутствия моленной регулярных воскресных и праздничных молений не проводится, в то же время для совместной молитвы могут собраться в частном доме. В большей части община собирается во время проведения похорон и поминок. Земляческие и родственные связи позволяют поддерживать и конфессиональные связи. Община имеет своего лидера, к которому обращаются за советом в случае необходимости принятия решения. В общине было налажено изготовление восковых свеч, деревянных нательных крестов.

Сложно говорить о дальнейшем развитии общины, которая сегодня включает в основном представителей старшего поколения. Молодежь из старообрядческих семей часто выбирает православную церковь для крещения детей, т. к. присутствует осознание кризиса передачи конфессиональных традиций и активной

жизни общины, а также ее дальнейших перспектив развития. Пример оценки современной ситуации показывают рассуждения из полевых записей: «Мы не крестим... знаете почему, из каких соображений уже это не делается. Вот дети мои крещенные... почему они в церковную веру. Посидели дома, поговорили, пообсуждали. Мама говорит: ты что, куда идти нам? Вот бабушки все умирают, мы даже чтобы помянуть, вот подать некому, чтоб помолились. Все разрушается, уже нет ничего...» (г. Чистополь, с. Мельничный Починок).

Другая ситуация складывается в сельских поселениях Чистопольского района, в которых в прошлом были представлены старообрядческие общины. В селах и деревнях Средний Толкиш, Суворовка и Русские Сарсазы проживают потомки старообрядцев согласия «по кресту», как правило, это также представители старшего поколения. Смешанные межконфессиональные браки, малочисленность старообрядческого населения к середине XX в. названных деревень, отсутствие активной конфессиональной жизни с середины XX в. привели к угасанию старообрядческой традиции. О наличии в прошлом старообрядчества свидетельствуют исторические и семейные предания, сохранившиеся конфессиональные атрибуты — деревянные кресты, киоты, нательные кресты. Часть потомков старообрядческих семей перешла в православие. Лишь несколько человек идентифицируют себя со старообрядческой верой, сохраняют и используют нательные кресты, деревянные кресты и киоты.

Среди исследованных сельских общин наиболее активно конфессиональная жизнь продолжалась до конца XX в. в с. Большой Толкиш. По сообщениям информаторов, еще лет 20 назад в селе старообрядцы собирались для совершения поминальных ритуалов по своим традициям, чего не наблюдается в последнее время, поэтому часто в этом случае обращаются в православную церковь. И хотя сегодня в селе нет активной конфессиональной жизни старообрядческой общины, в значительной части семей хранятся деревянные кресты и киоты, используются нательные деревянные кресты, сохраняется соотнесение себя со старообрядцами, исторические и семейные предания.

Таким образом, рябиновцы являются одними из реальных и действующих старообрядческих согласий на современной конфессиональной карте России и сопредельных территорий. Как показали полевые исследования, несколько конфессиональных общин сохраняются в районах их традиционного расселения. Конфессиональные традиции были включены в систему семейных ритуалов и, с одной стороны, для согласия «по кресту» были присущи те же особенности, что и для других старообрядческих согласий, и в то же время была характерна своя специфика. В качестве эндоконфессионала в настоящее время используется номинация «старовер», а основными маркерами, являющимися отличительными для данного согласия, являются деревянные кресты.

Литература

1. Боровик Ю. В. В нашей стране таковых разных толков и разных понятий ... переполнено (К истории некоторых старообрядческих согласий Урала и Зауралья в начале XX в.: спасовцы, рябиновцы, самокресты) // Проблемы истории России. От средневековья к современности. Екатеринбург: Волот, 2005. Вып. 6. С. 294–315.
2. Гренков А. Несколько слов о расколе в Казанской губернии // Православный соборник. 1867. Т. 2. С. 215–235.

3. Ивановский Н. Рябиновщина // Православный собеседник. 1867. Т. 2. С. 43–66.
4. Латыпов И. Р. Численность старообрядцев Казанской губернии в XIX — начале XX в. // Известия Саратовского университета. 2011а. Т. 11. Сер. «История. Международные отношения». Вып. 1. С. 24–29.
5. Латыпов Р. И. Развитие старообрядческих общин Казанской губернии XIX — начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011б. 224 с.
6. Мясникова И. В. Реконструкция бытового уклада рябиновцев (старообрядцев согласия «по кресту») Закамья во второй половине XX в. по материалам устной истории и семейных архивов // Старообрядчество: история, культура, современность: материалы конференции (21–22 ноября 2019 г.). 2019. С. 161–166.